

Цикл
Владимира Малыгина
ЛЕТЧИК

Летчик
На боевом курсе!
Под крыльями Босфор

Владимир Малыгин

ПОД
КРЫЛЬЯМИ
БОСФОР

Москва

Пролог

Царское Село

— И еще одно, Владимир Федорович. Не выпускайте из своего поля зрения нашего общего *друга*, — последнее слово Мария Федоровна, императрица Всероссийская, выделила особо. — Обязательно приставьте негласную охрану. После недавних событий к нему будет приковано всеобщее пристальное внимание. И тут непонятно, кого больше следует опасаться — своих подданных или подданных других государств...

Государыня расчетливо потянула паузу, давая собеседнику время на обдумывание своих слов, при этом пристально всматривалась в его неподвижное лицо, словно старалась заглянуть внутрь его мыслей — внимательно отслеживала малейшие проявления каких-либо эмоций.

Но и собеседник был не лыком шит. За плечами Джунковского огромный служебный опыт — просто так на подобную должность человека с улицы не назначали. И в дворцовых интригах, как говорят, «собаку съел». Одного того факта, что он сейчас находится в этом кабинете, достаточно, чтобы понять — свою нынешнюю должность командира Отдельного Корпуса жандармов Владимир Федорович занимает по праву. Так что никакого намека на эмоции не могло быть, да и не промелькнуло на бесстрастном лице Джунковского.

— Хорошо, — удовлетворилась результатами собственной паузы Мария Федоровна. — Надеюсь, вы меня правильно поняли, Владимир Федорович.

— Вы полагаете, что ваш родственник может... — Джунковский с многозначительным видом скосил глаза на окно, выходящее на западную сторону, и тоже взял паузу, словно предлагая дальше продолжать фразу Марии Федоровне.

— Да, — правильно истолковала недоговоренное императрица. И продолжила говорить. При этом чуть-чуть, практически незаметно наклонила голову, словно этим незамысловатым жестом подтвердила невысказанное. — Кайзер сейчас чрезвычайно уязвлен недавней бомбардировкой Берлина и сожженным куполом Рейхстага. Зная Вильгельма, скажу, что он очень разозлен. Знатный удар по самолюбию. Поэтому прошу присмотреть за нашим общим другом. Мы с Ники решили спровадить его подальше от столицы. Слишком уж часто он стал появляться в Зимнем...

— Заслуженно, позволю себе заметить, начал появляться, — мягко перебил императрицу Джунковский. И даже не перебил, а позволил себе ненавязчиво поправить Марию Федоровну. Потому как с недавнего времени мог иногда допустить подобное. И опять же благодаря тому, за кого сейчас заступался.

— Этого никто и не отрицает. Но зависть настолько ядовитое чувство, что многим начинает разъедать глаза. До меня дошли слухи, что его в определенных кругах уже начали называть вторым Распутиным...

— Всего-то пару раз был удостоен аудиенции его императорского величества. Да и то... Оба раза после награждения, — уточнил жандарм и склонил голову в уважительном поклоне. Отношения отношениями, но дворцовый, да и просто этикет, никто не отменял.

— Это двор, — откликнулась Мария Федоровна. — Некоторым из них и этого не удалось добиться. Впрочем, вы, Владимир Федорович, обо всем происходящем в столице осведомлены лучше меня. Поэтому еще раз прошу вас не спускать глаз с нашего новоиспеченного полковника.

— Подполковника, — снова пришлось уточнять Джунковскому.

— Ну, это пока он подполковник. Слишком широко ваш Грачев шагает. Так скоро и полковником станет...

Мария Федоровна помолчала, словно ожидала каких-либо возражений. И не то, что на самом деле эта фамилия вызывала у нее какое-то раздражение, нет. Напротив, именно благодаря обсуждаемому сейчас знакомцу удалось хорошенько встряхнуть Ники и ближайшее его окружение, даже кое-кого заменить на более лояльных людей, убрать с глаз подальше Аликс и наконец-то отправить прочь из столицы Григория. Не говоря уже обо всем остальном, что сейчас происходит на просторах страны...

Но и не сказать того, что сказала, Мария Федоровна, вдовствующая императрица этой великой империи, не могла. Слишком велики ставки. Судьба и жизнь династии и этой самой империи...

Поэтому все верно. Грачева необходимо на какое-то время убрать подальше от двора, от завистливых глаз, ядовитых шепотков и змеиных языков. И вроде бы все хорошо пока, но... Если бы не это сжигающее душу и сердце знание подступающей катастрофы. Очень уж шаткое у Ники положение сейчас...

Не дождалась возражений, решительно отбросила прочь тягостные мысли и решила свернуть разговор.

— Чаю не желаете? Нет? Тогда ступайте, Владимир Федорович. Ступайте. Дела не ждут.

Джунковский молча откланялся, развернулся и направился к выходу.

По дороге в столицу тщательно проанализировал такое странное завершение короткого разговора и понял, в чем заключался его основной смысл. В заключительной фразе императрицы. Когда Мария Федоровна выделила слово «ваш».

«Получается, отныне я с Грачевым одной ниточкой связан, — усмехнулся про себя Владимир Федорович. И еще раз хмыкнул, только уже вслух. — Как будто до этого разговора это не так было! После всех его откровений и так называемых предсказаний. Я за ним по должности все время присматриваю. В случае его успехов и мне будет хорошо. Ну а в противном... Про подобное даже и думать не хочется. Но усилить присмотр за моим протеже наверняка стоит. Вряд ли Мария Федоровна просто так обмолвилась о возможных проблемах для Грачева со стороны власть имущих... Да еще и этот прозрачный намек на кайзера... И исполнение просьбы государя нужно держать на полном контроле. Просьба-то она просьба, но это государь. И, значит, просьба равносильна приказу. Самому, что ли, в Крым поехать...»

Ревель

— А ведь я ему говорил держать ушки на макушке. И про то, что лучше быть подальше от начальства, — тоже... — Александр Васильевич Колчак взглядом испросил позволения, достал папиросу, прикурил и с удовольствием затянулся вкусным теплым дымом. Выдохнул и продолжил: — И про то, что не нужно повторять ошибки Распутина, намекал.

— Так он их и не повторяет. Он свои собственные делает...

Разговор этот проходил в кабинете командующего Балтийским флотом адмирала Эссена Николая Оттовича. В отличие от начальника оперативного отдела штаба, командующий сейчас сидел в своем кресле, чуть развернувшись от массивного стола, крытого плотным и тяжелым даже на вид зеленым сукном. Взгляд адмирала был направлен в окно. Туда, где через голые ребра замерзших на пронзительном, стылом ветру деревьев проглядывало такое же холодное и стылое зимнее море.

— Бр-р, — передернул плечами Эссен. — Что бы там ни было, Распутин не Распутин, а я к давнему предупреждению отнесся очень серьезно. И рисковать попусту из глупой бравады — ставить под удар собственную жизнь и судьбу флота — не собираюсь!

— А все-таки, ваше превосходительство, заранее прошу прощения за этот вопрос, но очень уж любопытно. Что он вам тогда такого особенного напрогночил? — наклонился к столу и затушил в пепельнице окурок Александр Васильевич. Выпрямился, привычно развернул плечи.

— Ничего особенного. Сказал, что не переживу я эту зиму, если не буду следить за своим здоровьем! — смутился адмирал, закричал от досады на самого себя за это неожиданное смущение и разозлился. Заговорил громко, заметно горячась: — Вы только представьте себе, Александр Васильевич! Это я! Я! Адмирал Эссен! Простыну на мостике своего флагмана, подхвачу инфлюэнцу и уже не встану! Сгорю в лихорадке! Чушь какая-то! Бред!

Командующий с возмущением фыркнул, настолько похожий в этот момент на старого седого моржа, только что вылезшего из полыньи, что Александр Васильевич с трудом удержался от улыбки. А Николай Оттович ухватил рукой свою густую бороду, пропу-

стил ее пару раз между пальцами, стараясь этими незамысловатыми действиями скрыть досадное раздражение. Не выдержал, подхватился на ноги и порывисто шагнул к окну. С досадой отмахнулся на отодвинувшего стул и начавшего выпрямляться Колчака, постоял, успокаиваясь и переводя дыхание. Развернулся, переместился к столу, остановился в паре шагов от собеседника и, не отводя жесткого прямого взгляда от глаз Колчака, медленно проговорил:

— Бред. Вы меня понимаете?

— Понимаю. И, тем не менее, вы...

— Тем не менее я сейчас сижу в своем кабинете и разговариваю с вами, милейший Александр Васильевич. Это вместо того, чтобы сейчас находиться в море, на мостике...

— Значит, поверили, — дернул углом губ Колчак. — И вы тоже...

— И я. И еще кое-кто... — Командующий оглянулся на висящий за спиной потрет его императорского величества. — Только теперь Грачеву, к вашему сведению, предстоит дальняя дорога на жаркий юг.

На заключительной части этой фразы адмирал хмыкнул и поморщился. Вот и сам неосознанно на те же самые грабли наступил... Воистину, с кем поведешься... Ну да ничего, подумаешь, ляпнул. Александр Васильевич свой, дальше этого кабинета сей ляп не поползет.

— Да никак и вы тоже по стезе предсказаний пошли, дражайший Николай Оттович?

— Так вы еще не знаете? После награждения и признания заслуг перед Отечеством Сергею Викторовичу канцелярией его императорского величества выдано предписание отбыть в Севастопольскую авиационную школу. Убирают нашего протеже из столицы, с глаз подальше, из сердца вон...

— Почему не к нам? Странно. Впрочем, может, оно и к лучшему? В Крым-то? — пробормотал Александр Васильевич.

— Может, и так, — услышал это бормотание Эссен. — До меня дошли настойчивые слухи, что ближайшее окружение государя увидело в нем второго Распутина. И наше с вами командование там, «под шпилем», с удовольствием подхватило эти... М-м... Сплетни... Очень уж напугало некоторых его стремительное и неожиданное возвышение. Поэтому вы правы, уважаемый Александр Васильевич, лучше ему будет сейчас держаться от столицы подальше. Побудет в Крыму месяц-другой — глядишь, слухи и улягутся, а наши генералы и адмиралы очередной орденки себе навесят да успокоятся...

Эссен вернулся в кресло, выпрямил спину, жестом показал собеседнику присаживаться. Протянул руку, подхватил карандаш. Покрутил его пальцами, положил на прежнее место и поднял глаза. И медленно, но отчетливо начал говорить, не сводя глаз с собеседника.

— Что же касается лично меня... Откровенно признаюсь, я на улице отныне без шерстяной поддевки не выхожу. Вот так-то! Имеющий уши да услышит! И примет необходимые меры, Александр Васильевич...

— Все-таки запомнили, Николай Оттович? И поверили?

— Запомнил. Ну а кто бы на моем месте не запомнил бы этакое? Тут уж лучше поверить, чем из-за простого упрямства дело всей жизни завалить. Да, Александр Васильевич, спешу вас по-дружески уведомить. Мне тут надежный источник на ушко нашептал — ждет вас новая должность. Наконец-то наверху решили удовлетворить ваше прошение и утвердить

мое назначение вас командиром полудивизиона эскадренных миноносцев. Это пока только слухи, самого приказа еще нет. Поздравлять пока не стану, чтобы раньше времени не сглазить, но... Рад, рад за вас. Заслужили. — Лукаво улыбнулся в бороду Эссен. Теперь Александр Васильевич точно про ляп забудет. Потому что ни разу он не проболтался, а дозированно нужную информацию сослуживцу выдал. Умному и этого довольно. Да и для себя явная польза...

Глава 1

Неделя перед отлетом из столицы пролетела быстрым кречетом. Или соколом? Короче, пролетела так быстро, что и отдохнуть-то толком, и расслабиться, как положено пусть в кратковременном, но все равно отпуске, по-настоящему не удалось. Только-только вроде бы как закончилось наше награждение, еще звенят в ушах мелодичным хрустальным звоном бокалы с шампанским, а я уже стою в зимнем утепленном комбинезоне на аэродроме у своего верного «Муромца» перед выстроившимся в одну шеренгу экипажем. Раздаю предполетные указания и готовлюсь к вылету. Церемония эта у нас давно отработана должным образом за многие и многие разы и оттого проходит быстро и без каких-либо непредвиденных задержек.

Закончится погрузка, осмотрю самолет, проверю швартовку груза и будем взлетать. В утреннем морозном воздухе звонко потрескивают остывающим металлом прогретые моторы, а мы затаскиваем в салон последние бочки с готовой горючей смесью. Генерал Ипатьев так и не придумал никакого названия для своего нового детища, оставил прежнее, полученное в процессе самого первого изготовления. Какое? Да такое! Просто горючая смесь. «ГС». И все. Только в этой партии состава циферка в конце этой короткой аббревиатуры поменялась с единички на двоечку.

М-да... И насчет того, что это именно мы эти бочки затаскиваем, я снова погорячился. Нам это делать

по Уставу и новому Наставлению не положено. Для подобных работ отныне есть специально обученные люди из аэродромной команды и приданной ей заводской бригады грузчиков. Вот они и закатывают по доскам эти самые бочки, гори они синим пламенем. Даже наш технический состав к этому делу не привлекается. Нет, случись подобный аврал где-нибудь на внебазовом аэродроме, и никуда бы мы не делись — впахивали бы как те самые полковые лошади и горбатились бы на погрузке во всю мощь своих далеко не лошадиных мускулов. Слава богу, что мы не на внебазовом...

ТЬфу ты! Да что у меня за мысли такие? Особенно про «гори синим пламенем» перед полетом? Нет, гореть-то они пусть горят, но только не на борту, а где-нибудь на земле, после сброса по очередной вражеской важной цели.

Почему тогда я так бурчу? Да потому что предлагал отправить этот груз по железной дороге. Так ведь нет! Начальство уперлось. «Отправить-то мы его отправим, но и с собой вы немного смеси возьмете. На всякий случай», — выдал мне окончательное распоряжение порученец великого князя. Какой такой всякий? Перестраховщики! Все равно ведь придется на месте обязательно дожидаться отправленных той же дорогой заводских контейнеров с необходимым нам в Севастополе оборудованием. Каким? А никто кроме меня об этом грузе пока и не знает. Надеюсь, и дальше не узнает. Лучше бы я вместо бочек с собой механиков взял. А везти их в грузовой кабине вместе со столь опасным грузом не положено. Поэтому и будут они добираться до Крыма своим ходом. Железной дорогой то есть.

Теперь в очередной раз инструктирую свой экипаж. Еще раз напоминаю правила поведения личного состава в полете с опасным грузом на борту. Горючая

смесь еще какой опасный груз! Лучше бы было ее все-таки железной дорогой отправить, потому как сейчас она, железка эта самая, работает стабильно, и перебоев в деятельности подвижного железнодорожного состава нет. Подумаешь, чуть дальше до Крыма «ГС-2» добираться будет. Зато потом все вместе придет. Вместе с остальным грузом, имею в виду. Все равно те задачи, что передо мной поставлены, мы сразу не сможем выполнить. Осмотреться нужно, оглядеться на месте, подходит ли аэродром Качинской авиашколы для наших целей. Несколько дней все равно на это уйдет. Или недель. Насчет «дней» я все-таки погорячился, днями тут не отделаешься. А там и лететь можно. Задание выполнять. Какое? А это до определенного времени составляет военную тайну. Слишком высокие ставки в Ставке. Каламбур получился, однако.

Предварительная разведка? Ни в коем случае! Придется вот так сразу лететь и бомбить. И уже по ходу пьесы или по факту же, так сказать, ориентироваться. Если только местное жандармское управление сможет заранее чем-нибудь помочь по своей линии. Наверняка ведь какая-нибудь разведка у них должна быть? Недаром меня так настойчиво Владимир Федорович Джунковский наставлял и инструктировал перед вылетом. «Мол, первым делом объявиться в местном, так сказать, филиале жандармского корпуса». Объявлюсь, куда я денусь... Только не первым, первым я своему непосредственному командованию представлюсь, а вот вторым... Вторым обязательно. У меня никаких предубеждений к этому корпусу нет. А даже как бы наоборот. И к командующему Черноморским флотом на прием записаться не забыть. По-другому никак...

Сначала удивился, про себя, само собой. Ну, когда о своем новом задании узнал. И о пристегнутом под